

К. Г. ПАУСТОВСКИЙ

ЗОЛОТАЯ
РОЗА

Константин Георгиевич Паустовский

Клад

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159432

К. Паустовский «Избранное»: Радянська школа; Киев; 1984

Константин Паустовский

Клад

Весь этот лесной край к северу от Оки издавна назывался «дремучим».

Я исходил по тамошним лесам десятки километров вместе с Аркадием Гайдаром. Было это давно, в начале тридцатых годов.

Несколько раз за время наших скитаний мы заводили разговор и старом народном выражении «дремучие леса». Мы восхищались точностью русского языка. Действительно, лесные дебри как бы цепенели в дремоте. Дремали не только леса, но и лесные озера и ленивые лесные реки с красноватой водой. По берегам этих рек росли цветы «кукушкины слезы». В народе их зовут «дрёмой». Это растение было под стать дремучим лесам. Венчики «кукушкиных слез» сонно висели, согнувшись до самой земли.

Мы видели огромные пустоши, гари, буреломы. Болота курились холодным паром. Тучи комаров и слепней звенели над землей. Целые участки леса были съедены гусеницей и заплетены паутиной.

Мы мечтали о том, чтобы у нашей Советской власти скорее дошли руки до этих запущенных мест и человек вмешался бы, наконец, в жизнь скудеющей здешней природы.

На одной лесной порубке, называвшейся «Казенной кана-

вой», стояла старая изба-четырёхстонка. Стояла она на берегу заросшего стрелолистом мелкого канала – той самой «Казенной канавы», по имени которой и называлась порубка.

Канал этот вырыли в шестидесятых годах прошлого века, хотели отвести воду из Великого болота, да, видно, просчитались: болото не высохло, а канава так и осталась, как память о неудачной работе губернских мелиораторов.

Летом в избе жили смолокуры – старик Василий и его внук, мальчик лет девяти, Тиша.

Однажды мы заночевали в избе у Василия. Дело шло к вечеру. Над порубкой висел сухой желтоватый туман. Между пней, пахнувших скипидаром, скакали с треском кузнечики. За мелколесьем садилось мутное солнце. В канаве шныряли мальки и пищали водяные крысы.

В избе было душно. На стене висела выцветшая литография «Взятие Зимнего дворца».

Мы принесли с собой сахару, сухарей, и Василий приказал Тише вздуть самовар.

За чаем Василий сказал, отирая рукавом пот со лба:

– От нашего занятия один толк: долголетнее существование. Мы, смолокуры, живем крепко. Потому что вся внутренность у нас просмоленная. Никакой болезни не допускает. Смолокура даже комар не берег. А ежели, конечно, посмотреть с птичьего полета, то какая это жизнь! Одна смола да уголь, пустошь да гарь!

– Да-а, пустошь! – повторил он и осторожно взял черными

от смолы пальцами белоснежный кусок сахара. – Был глушняк – и есть глушняк! Вроде позабыло правительство про наши места.

– Черед не дошел, – заметил Тиша.

– Вот бы вызвали меня в Москву да расспросили, – ох, и рассказал бы я им! Ты бы мне это устроил, Аркадий Петрович. А? Чтобы съездить в Москву,

– Трудновато, – ответил Гайдар. – Это здесь ты отчаянный, а в Москве из тебя слова не вытянешь.

– Вот и нет! – возразил Тиша. – Дед у нас ужас какой смелый.

– А ведь верно! – закричал Василий. – Верно, Тишка, разрази тебя громом!

– А чего бы ты в Москве рассказал? – спросил Гайдар.

– Перво-наперво про леса. Какие это леса, мать честная! Закатились во все стороны за самый окоём. К вечеру подымись на бугор, взгляни, как туманы над ними струятся, – сердце замрет. Но что-то, замечаю, многовато стало сухостоя в лесу. Трухи – целые навалы! От трухи всякий червь-паразит заводится и дерево точит. А озера! Черным дубом завалены. Некуда донку закинуть – враз порвешь. И стоят в тех дубовых корягах, как разбойники в пещерах, темные окуни. Вот с этот поднос!

Василий показал на жестяной поднос под жалобно сипевшим самоваром.

– Торфа по болотам прямо бездонные! В реках – выху-

холь, выдра, язь. Да что леса! Заливные луга на сотни километров вдоль Оки тянутся. Как зацветут – не надышишься. Однако и луга, как я примечаю, все меньше хорошей травы родят. Видать, стареют. Позарастили бурьяном, боярышником, лозой. Вот и пребывает наш край, как говорится, в пренебрежении. А ежели за него взяться, будет здесь золотая земля.

Проснулись мы на следующий день рано и в такой тишине, что было слышно, как со слабым звоном капала с крыши на перевернутое ведро ночная роса.

Только что взошло солнце. Оно было не мутнее, как вечером, а светлое, свежее, отдохнувшее за ночь.

Мы пошли вдоль канаты, чтобы найти место поглубже и выкупаться.

– Стой! – вдруг сказал Гайдар. – Что это такое? Вон там за кустом.

Это «что-то» оказалось девочкой лет семи. Заметив нас, она затаилась

за кустом волчьей ягоды.

Мы подошли к девочке. Она сидела на траве и испуганно смотрела на нас большими синими глазами. Рядом стоял кувшин с молоком, завязанный чистой тряпицей.

Девочка была в вылинявшем желтом платке и длинной черной юбке, доставшейся ей, должно быть, от старшей сестры.

– Что ты есть за человек? – спросил Гайдар. – Признавай-

ся!

– Я с Шамурина, – торопливо ответила девочка, встала, наступила на свой подол и чуть не упала. – Наша деревня веч там, за канавой. Всего девять дворов.

– Ты Тишина сестра?

– Ага! Лиза. Тишка зимой в школе учится по четвертому классу.

– А ты?

– Не! Я еще маленькая. Я каждое утро с молоком сюда бегаю. А вы кто будете?

– Отважные путешественники, – ответил Гайдар. – Ищем здесь белый горючий камень. Под ним зарыт заколдованный клад. Не видала ты этот камень?

– Да нет, – ответила, смутившись, девочка. – Может, кто другой и видел, а я не видала. Какой же это клад?

– Вырастешь – узнаешь.

Днем мы ушли с порубки. Снова потянулись заглохшие лесные дороги, скользкие от рыжей хвои. Мерно шумели вершины сосен, таяли в небесной глубине облака, и дятлы, гневно косясь на нас, выстукивали сухие деревья.

С тех пор прошло больше двадцати лет, равных векам. Не осталось ни одного уголка страны, где бы не произошло разительных перемен. Шум исполинской стройки охватил весь Советский Союз.

Началось покорение природы. Новые моря, каналы, леса,

растительность, новый климат – все это создавалось на наших глазах.

Естественно, что мне захотелось узнать, как переменялся за это время тот край, где мы скитались с Гайдаром.

Лесной этот край лежал за Окой. Был поздний вечер, когда я подъехал на грузовике к наплавному мосту.

Мост только что развели. Буксир тащил против течения, хлопотливо хлопая плицами, вереницу барж. Палубы их были заставлены новыми машинами «победа».

Я вышел из кабинки и глубоко вздохнул: из-за реки лился свежий и необыкновенно пахучий воздух.

– Это клевер, – сказал мне пожилой шофер. – Тут теперь все луга засеяли клевером.

Вскоре мы уже были в этих лугах. В темноте их не было видно, но л знал, что мы погружаемся в разливы сырых, прохладных и душистых трав. Иногда на земле светилась звезда, и трудно было понять, отражается ли ее огонь в луговом озерце или просто в росе.

– Есть в этих местах, – сказал шофер, – один человек. Вам не миновать с ним познакомиться. Зовут его Тихон Чернов. Председатель здешнего райисполкома. Не слышали?

– Нет, не слышал.

– Замечательный человек. Совершенно новой формации. – Шофер любил выражаться научно. Мотор он называл «двигателем внутреннего сгорания», а про растительность говорил, что «флора прогрессирует на глазах». – Так, значит,

не слышали вы про Чернова?

– Я здесь двадцать лет не был. Откуда же мне его знать.

– Период довольно значительный, – согласился шофер и добавил: – Значит, вы теперь эти места не узнаете. Сейчас в наших лугах – полная экспозиция машин. Как на выставке! Чего тут только нет! Болотные фрезы, кусторезные машины, канавокопатели, сеялки для травы. Вся луговая инженерия собрана. Да и то сказать – реконструкция природы!

Шофер помолчал.

– Вот только где мы с вами заночуем в Полянах? Время позднее.

Мы решили остановиться у первого же дома, где увидим свет в окнах.

Так и сделали. Дом с двумя освещенными окнами стоял при въезде в село.

– Да это ведь школа! – радостно сказал шофер. – Тут учительница живет. Тоже, говорят, девушка новой формации.

Мы постучали. Нам открыла девушка с длинными русыми косами. Она сказала, что мы можем переночевать в пустой школе, и предложила напоить нас чаем.

От чая мы отказались, но девушка все же провела нас в свою комнату. При свете электрической лампы я взглянул на девушку и подумал, что милее ее я еще никого не встречал на свете. Особенно хороши были глаза: совершенно синие и смущенные.

На столе стояла карточка Гайдара. Я внимательно посмот-

рел на девушку:

– Вы меня не помните?

Девушка взглянула на меня и покачала головой.

– Ну, а Гайдара вы помните?

– Ну как же! – воскликнула девушка. – Постойте! Так это вы с ним были на «Казенной канаве»? Вот какой случай необыкновенный!

– А вы Лиза?

– Да, Лиза. Я сейчас приготовлю все-таки чай. Надо же поговорить. И брат скоро вернется из райисполкома.

– Неужели Тиша? – спросил я.

– Да, Тиша. Он у нас председателем.

– Вот мы, значит, в самую точку и врезались, – сказал с торжеством шофер.

– Прямо чудеса! – говорила Лиза, накрывая на стол и без причины смеясь. Она покраснелась и даже задыхалась от волнения. – А Гайдар, знаете, письмо мне прислал еще тогда из Москвы. Про заколдованный клад. Я маленькая была, неграмотная. Мне это письмо Тиша читал. Он там так хорошо написал: «Мы, Лиза, клада не нашли, хотя и расспрашивали про него всех встречных птиц и зверей. А потом попался нам сивенький старичок-гриболов и сказал, что никакого клада под белым камнем нету и никогда не было, а есть на свете единственный настоящий клад – хорошее сердце. Вот ты, Лиза, и старайся, чтобы у тебя было хорошее сердце. И побольше читай». Как неудача какая, я прочту это письмо –

и опять мне легко.

– Ласковое слово благотворно влияет на психику, – заметил шофер.

– Ну, а как Василий? – спросил я. – Жив?

– Нет, умер.

– А все говорил, что смолокуров смерть не берет.

– Это у него была такая присказка. Болельщик был за свой край. Все шумел, что будет здесь золотая земля. Ему бы сейчас вокруг поглядеть. Луга корчуют от кустарников, перепаживают, удобряют и уже начали засеивать хорошими кормовыми травами. Теперь вы лугов не узнаете: сплошной цветник. Гидростанцию построили. И в лесах полный порядок. Весь сухостой убрали, прорубили пожарные просеки, всю, как есть, свободную землю засадили сосной. На «Казенной канаве» уже лес вытянулся – пушистые такие сосенки ростом под потолок. Стоят густо – не пройдешь.

– Тихона Ивановича забота, – заметил шофер.

– Да, Тиша много работает, – согласилась Лиза. – Он у нас с высшим образованием. Мелиоратор. А я вот учительствую. Преподаю русский язык и литературу.

Мы проговорили еще долго, но Тиша так и не пришел. Увидел я его на следующее утро в райисполкоме, в светлой комнате с только что вымытыми, сырыми полами. Солнце уже сушило полы. Окна были открыты, и за ними уходили в голубеющую дымку луга. Среди них то тут, то там сверкали слюдой озера.

Я не сразу узнал Тишу в худощавом человеке с орденом Красной Звезды, в военном кителе без погон. Он был подтянут, чисто выбрит, несмотря на то, что работал, очевидно, почти всю ночь.

Тиша – для меня он все оставался Тишей, хотя все звали его Тихоном Ивановичем, – избегал говорить о том, как он из мальчишки смолокура стал мелиоратором и председателем райисполкома. В ответ на мои расспросы он уклончиво сказал:

– Да что ж тут особенного. Много нас таких...

В окно заглянул высокий веснушчатый шофер.

– Тихон Иванович! – сказал он умоляюще. – Едемте поскорей. Л то они засиделись и прямо клетки перегрызают. И морды у них страховидные, хоть не смотри.

– Небось не съедят, – ответил Тиша. – Сейчас поедем. Мы здесь, – обернулся он ко мне, – бобровое хозяйство заводим. На реке Белой. Новую партию бобров привезли. Из-под Воронежа. Хотите поехать с нами? Посмотрите старые ваши места.

Я согласился. Мы влезли в кузов грузовика. В ящиках сердито урчали и возились бобры. За околицей машина вошла в лес. Дорога подымалась по твердому песчаному взгорью. Теплый свет стоял среди сосен.

В этих местах раньше навалами лежал бурелом, а сейчас густо рос подлесок из можжевельника и лещины.

Удивительно легко было дышать. Может быть, поэтому

Тиша неожиданно заметил:

– Верно ведь сказано: «В их сенях ветра шум и свежее дыханье».

Мы остановились около гидростанции на лесной маленькой реке.

Вверху над соснами дул свежий полуденный ветер, и весь лес качался и шумел широким океанским гулом. Но до земли ветер не доходил. Внизу было безветрие.

Гидростанция работала почти бесшумно. Только невнятно бурлила около плотины вода да было слышно, как внутри станции кто-то напевал арию из «Садко»: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...»

Я впервые видел такую маленькую гидростанцию, срубленную из сосновых кряжей. Внутри было очень чисто, прохладно, пахло смолой. Ветки лещины заглядывали в открытые окна. На табурете сидел загорелый юноша в майке.

– Наш электрик, – познакомил меня с ним Тиша.

Юноша смутился и сказал:

– Я тут, Тихон Иванович, за дежурство, извините, все оперы, какие знаю, пропел.

– Большой театр на дому, – усмехнулся Тиша и обернулся ко мне: – Эту станцию мы сами соорудили. Своими колхозными руками. Не станция – игрушка! Вот скоро начнем строить большую межколхозную станцию на торфу около Лицевого озера. Тогда будет у нас и электропахота, и электродойка, и электрические пилы начнут работать в лесах.

Я бывал в прежнее время на Лицевом озере, и потому мне трудно было представить, что там скоро возникнет здание электростанции. Двадцать лет назад Линевое озеро было такой глухоманью, что, по словам лесников, не всякая птица отваживалась туда залетать.

Весь этот день меня не покидало чувство свежести. Все сверкало, рилось, переливалось этой свежестью: стволы берез и сосен, листья, травы, самый воздух, вода лесных озер.

– Удивляетесь? – спросил Тиша. – А помните, какая здесь была тьма, ка не трущобы? Теперь лес дышит свободно.

С гидростанции мы проехали на реку Белую. Там стояла заповедная тишина. Зеленоватый отблеск хвои падал на струившуюся воду. Пришел зверовод – человек строгий и молчаливый – и выпустил бобров из клеток. Бобры, прежде чем войти в воду, долго чистились, расчесывали шерсть когтистыми лапами, не обращая на нас внимания.

– До чего вежливый зверь! – восхищался шофер. – Воду в речке не хочет грязнить.

К вечеру мы, наконец, попали на обратном пути в Поляны, на «Казенную канаву». Там теперь в нескольких деревянных домах разместилось лесничество. Но изба-четырёхстенка уцелела. Ее приспособили под сушилку для сосновых шишек.

Мы посидели с Тишей на берегу канавы. Ночная синева медленно подымалась с востока. В воде плескалась тяжелая рыба.

– Лещи, кажется, – сказал Тиша. – А при дяде Василии только гольцы здесь и водились. Во-время вы подгадали приехать. Все цветет. Самое красивое время. Были уже в лугах?

– Нет, еще не был.

Тиша помолчал.

– В каждом районе, будь он хоть самый невзрачный на вид, есть большие возможности, – сказал он и повторил: – Большие возможности. Небось Лиза рассказывала вам про клад? Это правильно, конечно, что хорошее сердце – клад. А я думаю, что и в каждом районе зарыт свой клад. Милее наших мест нет на свете. Вот говорили всегда: нищий край, подзол, картоха, болота, комарье, гниль да труха, а смотрите, как он развернулся. А люди? Помните прежние разговоры: «ужо» да «ужо», «куда нам соваться», «разве сразу возьмешь да осилишь». А сейчас как повеселел народ! В будущее верит, в своей силе не колеблется. Я всех тороплю, но и меня все торопят – давай и давай! Нетерпение у народа к новой жизни. Все теперь нужно – гидростанция, разработка торфа, шоссе до областного города, сбор лекарственных трав, новая порода скота, посадки леса, сады, пасеки, новые школы. Тут работы пропасть, а на взгляд будто и невидный район. Но главное, конечно, это – луговое наше хозяйство. На днях наш секретарь обкома едет в Кремль докладывать правительству о преобразовании Окской поймы в молочную базу для Москвы. Было у него совещание по этому поводу. На нем мы решили наглядно показать правительству наши

богатства и наши возможности. Показать наши луга как бы в натуре. Потому что одно дело – словесный доклад, а совсем другое дело – показ того, чем мы располагаем. А для этого надумали мы отвезти в Москву все цветы и травы, какие здесь произрастают. Все сорта. В живом виде, конечно.

– Как же вы их довезете, эти цветы и травы?

– На машине. В кадках с водой. Ведь это целые снопы цветов, – вы понимаете!

Сбор трав и цветов начался через несколько дней.

Этим делом распорядилась Лиза. Она созвала школьников старших классов. Когда я зашел к ней, человек тридцать мальчиков и девочек сидели на бревнах около школы и запальчиво спорили, на каких лугах самые большие и разнообразные цветы. Одни говорили, что по краю Старицы, другие – по берегам озера Студенец, третьи стояли за таинственную местность Хвощи, а самая маленькая девочка с взлетающим клоком волос на голове кричала со слезами в голосе:

– Не так говорите! Вот и неправда ваша! К Тихому броду надо идти. Там – ух, что делается с цветами!

Известно, что цветы лучше всего собирать или утром до жары, или перед вечером, когда зной спадает. Иначе они быстро вянут.

Решили собрать цветы перед вечером, принести их в Поляны, тут же перебрать и отправить ночью в Москву.

Я пошел с Лизой и школьниками в луга. С нами пошло

много народу, в том числе и мой шофер.

Каждый старался найти самый большой цветок. Каждый говорил, что его цветок просто волшебный.

Возвращались из лугов мы уже вечером. Солнце село. Над озерами задымились туманы. Кричали по низинам коростели.

Цвел шиповник – спутник светлых июньских ночей.

В чистом меркнушем небе реактивный самолет тянул свой белый быстрый след. След этот летел к слабо блестящей над нами звезде. И этот след и звезда отражались в воде Старицы, и вода от этого казалась бездонной, как вечернее небо.

В шиповнике по берегам Старицы уже притаилась ночь. Только цветы на кустах светились отраженным блеском еще не погасшей зари. Потом в кустах, стараясь не нарушить вечернюю тишину, шелкнул, пустил стеклянный перезвон и затих соловей.

Пепельный Юпитер взошел над темным лесом на горизонте и начал медленно подниматься над лугами, вековыми ивами и туманами – над знакомой и милой нашей землей.